

8. Ходяков М. В. Деньги революции и Гражданской войны: денежное обращение в России. 1917–1920 гг. / М. В. Ходяков. — СПб. : Питер, 2009. — 224 с.

9. Экономическая жизнь. — 1924.

10. Юровский Л. Н. Денежная политика Советской власти. 1917–1927 / Л. Н. Юровский. — М. : ЗАО «Издательство Экономика», 2008. — 592 с.

Информация об авторе

Соколов Александр Станиславович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и философии, Рязанский государственный радиотехнический университет, 390005, г. Рязань, ул. Гагарина, 59/1, e-mail: falcon140770@yandex.ru.

Author

Sokolov Alexander Stanislavovich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Chair of History and Philosophy, Ryazan State Radio Engineering University, 59/1, Gagarin Str., 390005, Ryazan, e-mail: falcon140770@yandex.ru.

УДК 94(47).084.9

И.Н. СТАСЬ

ББК 63.3(2) 6-2

ЭВОЛЮЦИЯ ЖИЛИЩНЫХ УСЛОВИЙ ГОРОЖАН ХАНТЫ-МАНСЙСКОГО ОКРУГА В 1960-х ГОДАХ*

В статье прослеживается развитие жилищных условий жителей новых городов районов нефтедобычи Западной Сибири в 1960-х гг. Акцентируется, что жизненное пространство горожан региона формировалось на двух уровнях — во временном и типовом жилищном фонде.

Ключевые слова: балок, жилищные условия, жизненное пространство, типовой капитальный дом, урбанизация.

I.N. STAS

THE EVOLUTION OF THE LIVING CONDITIONS OF THE CITIZENS OF KHANTY-MANSI OKRUG IN THE 1960s

The article traces the development of housing conditions of the residents of the new towns of the oil-producing regions of Western Siberia in the 1960s. Emphasized that the living space of the citizens of the region were formed on two levels — In the interim and standard housing fund.

Keywords: balok, housing conditions, living space, typical capital house, urbanization.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (заявка № 15-11-86001).

Динамика роста жилищного фонда и трансформация жилищных условий в городах обладают широкой репрезентативностью процессов урбанизации. Новосибирские историки С.С. Букин и В.И. Исаев считали, и с ними нельзя не согласиться, что на примере развития жилищного фонда городов наиболее объемно и убедительно можно показать особенности урбанизационных процессов в Сибири [1, с. 148]. Исследование условий проживания городского населения дает возможность показать, как урбанизация проявлялась на низшем уровне жизненного пространства горожанина — в его личной среде, иначе в пространстве, которое находилось полностью в распоряжении одного человека или семьи. Архитектор А.М. Рудницкий подчеркивал, что эта личная среда формировалась в квартире, где люди проживали совместно, каждый имел свой уголок в виде отдельного помещения, спального места, личного стола, она также охватывала садовые участки, дачи, гаражи [13, с. 93].

В условиях грандиозного нефтегазового освоения и массового миграционного потока значительной проблемой в Ханты-Мансийском округе (ХМАО) в 1960-х гг. становилось решение жилищного вопроса. Формирование жизненного пространства горожанина округа происходило под влиянием экстремальной ситуации — масштабной миграции рабочей силы в необжитые, но богатые нефтью, территории Сибири. Изначально территория не была готова к притоку огромного количества людей. В населенных пунктах округа до нефтегазового освоения строительство жилья велось в основном за счет индивидуальных деревянных домов преимущественно с печным отоплением, без водоснабжения и иногда без электроосвещения. В такой ситуации было неизбежным появление новых городских поселений с экстремальными условиями проживания, когда городской жилищный фонд создавался из временных, приспособленных и неблагоустроенных помещений, домов, зданий. В феврале 1965 г. первый секретарь Тюменского обкома Б.Е. Щербина писал первому заместителю Председателя Совета Министров СССР товарищу Д.Ф. Устинову: «Прибывшие для работы в нефтяную и газовую промышленность рабочие и специалисты размещены в приспособленных помещениях, палатках и вагончиках» [2, д. 4576, л. 11–12]. Государство, в лице ведомств и министерств, первым делом, зачастую любыми средствами, стремилось решить производственные задачи: сначала рабочая сила, которая осуществляла выполнение директив (в данном случае планы по добыче нефти), и только потом создание нормальных условий жизни.

В начале 1960-х гг. геологи, которые открыли нефтяную провинцию и способствовали началу урбанизации, были вынуждены самостоятельно заниматься обустройством необжитой территории. Выход из жилищной проблемы осуществлялся за счет возведения палаток, землянок и строительства каркасно-засыпных балков. Первое время геологи жили в палатках (обычно на двадцать мест) и землянках. Исследователи точно

подметили образ тогдашнего Сургута, характерный для всех строящихся городов округа: «был похож на многолюдный табор. Вагончики, палатки, полевые кухни, вечерние костры на берегу реки, тысячи людей, занятых строительством и размещением, — так рождался новый город» [16, с. 32].

Люди стремились самостоятельно улучшить жилищные условия: днем работали на производстве, а вечером строили индивидуальные засыпные дома. Так, поселки геологов стали застраиваться балками — деревянными, металлическими или из материала какой только попадется маленькими невысокими кривыми домиками с небольшими огороженными участками, которые до конца 1960-х гг. становились главным элементом личной жизненной среды первооткрывателей. Об этом ярко свидетельствуют воспоминания первых жителей Нефтеюганска. Вот одно из них: «Когда приехали в Нефтеюганск в 1962 г., то жить было негде. Вместе с семьями Гусевых, Чвановых, Вилковых мы стали строить засыпные дома. Старшие дети помогали нам — ходили на болото, драли мох, которым потом утепляли стены. А болото было рядом, теперь там первый микрорайон. Когда отстроили две квартиры, то тянули жребий — кому первому достанется — работали ведь все одинаково» [11, с. 33].

Балки не имели какую-то стандартную форму — все зависело от фантазии строителей. Возводились и деревянные балки большого размера, на несколько комнат. В таких домах часто жило несколько семей: «К весне 1965 г. стали думать о жилье — как дом построить. В апреле выбрали место в «копай-городе» (сейчас это третий микрорайон). Рядом были контора бурения, общежитие и балки. Деревья рубили там, где сейчас седьмой микрорайон. Построили один большой дом, разделили его на три части — всем по одному окну и в июне уже перешли в свой дом, а в июле братья привезли свои семьи. Потом построили веранды, баньку рядом. Жили дружно, были довольны и счастливы. Так мы прожили 5 лет» [10, с. 128]. Следует добавить, что «копай-город» представлял собой овраг, застроенный в основном землянками и бараками.

Естественно, условия жизни в таких домах были тяжелыми. Балки не стояли долго. Разливами Оби и Юганской Оби их часто сносило или затопливало. Первооткрыватель западносибирской нефти Ф.К. Салманов писал, что в начале 1960-х гг. в Нефтеюганске «балки, конечно, были не такие, как сейчас. Холодные, темные, тесные, они служили временным пристанищем, и большинство первопроходцев мирились с бытовыми трудностями. Но даже балков не хватало» [14, с. 199].

Многие геологи также проживали в вагон-домах, из которых создавались целые городки. В конце 1962 г. в Нефтеюганске в Усть-Балыкской нефтеразведочной экспедиции имелось 70 вагон-домов, из которых 21 вагон использовался под общежития, в 45 вагонах размещались семьи рабочих и служащих, 4 были заняты под санитарные и другие помещения [11, с. 31]. В 1967 г. в Нефтеюганске имелось уже 795 жилых

вагончиков [3, д. 4525, л. 106]. Историк В.П. Карпов описывает жизненное пространство в вагончике: «... из двух по шесть квадратных метров отсеков, разделенных коридорчиком. В каждом отсеке — по четыре холостяка или семья. <...> На шести квадратах — их спальня, на других шести — кухня, столовая, детская...» [7, с. 22].

В 1963–1964 гг. в Сургуте и Нефтеюганске стали возводиться первые двухэтажные брусчатые жилые дома на 8, 12 и 16 квартир. На октябрь 1964 г. было построено для нефтегазовой промышленности, геологических экспедиций и строительных управлений 17 тыс. м² жилой площади таких домов, а в стадии строительства находилось 30 тыс. м². Благодаря строительству для ведомств брусчатых домов жилищный фонд первых городов отчетливо разделился на ведомственный (двухэтажные дома, вагончики, балки) и личный (в основном индивидуальные дома сельского типа). По нашим вычислениям, доля ведомственного жилья в 1964 г. составляла: в Сургуте — 44%, в Нефтеюганске — 100%, в Нижневартовске — 45%, в Мегионе — 74%, в Игриме — 68%.

Многие рабочие стали переселяться в брусчатые двухэтажные дома, но значительная часть оставались жить в балках и вагон-домах. Так изменялось жизненное пространство людей: первое время, по приезду в поселок, переселенцев приютили в балке или другом «жилом помещении», затем строился свой балок или осуществлялся переезд в вагон-дома, потом заселялись либо в свою квартиру, либо в общежитие, располагавшиеся в двухэтажных брусчатых домах. Токарь Усть-Балыкской экспедиции Ю.И. Зимин вспоминал эволюцию своих жилищных условий в Нефтеюганске: «Жилья нет — нас поселили в конторе, в кабинете главного инженера. Расстелив матрацы на полу, 15 человек расположились на отдых. Вскоре получили долгожданное гнездо — привезли пару вагончиков, установили в городке «разведчиков» и стали жить-поживать в вагончике по восемь человек — койки в два яруса, в тамбуре буржуйка, которую нужно топить всю ночь, но утром одеяла и подушки все-таки примерзали к стенкам вагончика. ...Появился четвертый микрорайон, и нас поселили в общежитии — двухэтажном брусчатом доме, это уже был рай, паровое отопление, только в туалет бегать нужно было на улицу» [10, с. 72–73].

Квартиры в двухэтажных домах были на одну-две комнаты. Построенные дома не оборудовались водяным отоплением, не имелось водопровода и канализации, но предусматривалось паровое отопление и электричество. В домах было очень холодно из-за того, что фундаменты и стены домов были плохо утеплены и промерзали. Толщина завозимого бруса для этих домов не соответствовала расчетной температуре. Поэтому в каждой квартире ставились буржуйки или самодельные электрообогреватели, которые жильцы называли «козла». Из-за них часто случались пожары. Возле домов отсутствовали дровяники. Дворы домов не были

благоустроены, а сами дома имели неприглядный вид. Обеспеченность водой осуществлялась через водоразборные колонки или доставлялась автоцистернами. Туалет располагался на улице в виде дворовой уборной (сельский туалет).

Несмотря на строительство квартирных типовых домов, жилья катастрофически не хватало. Большинство приезжающих семьей ютилось в балках и землянках. Иногда в летний период заселялись подвалы строящихся зданий, баржи, грузовые судна. В конце 1964 г. при санитарной норме 9 м² и расчетной 7,5 м² жилья, в Сургуте на одного человека приходилось 3,0 м², а в Нефтеюганске — 2,3 м². Жилой фонд в 1965 г. в Урае составлял 39 894 м², в Сургуте — 65 120 м², а в Нефтеюганске в 1967 г. общая площадь была 57 802 м² [3, д. 4213, л. 79, 115; д. 4525, л. 117]. Но необходимо было строить намного больше жилья. Например, исходя из расчетной нормы жилплощади на одного человека при планируемом населении в 16 тыс. чел. в 1965 г. в Сургуте жилой площади должно было быть 120 тыс. м². Для этого в конце 1964 г. следовало ввести в эксплуатацию 12,8 тыс. м² и в 1965 г. — 73,2 тыс. м² жилья [4, д. 500, л. 127–128]. Однако ввод таких объемов жилплощади в короткие сроки был невозможен из-за отсутствия в регионе баз стройиндустрии.

В середине 1960-х гг. началась разработка и проектирование типового капитального домостроения для городов Среднего Приобья. Руководство Тюменской области ратовало за капитальное строительство в поселках геологов и нефтяников уже в 1963–1964 гг. Первые генпланы городов, разработанные институтами Башнефтепроект и Гипрогор, предусматривали застройку городов типовыми пятиэтажными домами. Однако в ситуации неопределенности с нефтяными запасами, правительство не стремилось возводить капитальные дома в северном крае. Разработки велись в условиях постоянной дискуссии вокруг вопроса осуществлять ли в северных городах капитальное строительство или ограничиться деревянным. Большинство участников конференции по проблемам градостроительства в нефтеносных районах Тюменской области, прошедшей в Тюмени в 1966 г., высказались за капитальное типовое строительство и отказ от деревянной застройки. Группа специалистов, которая летом 1967 г. побывала в Финляндии с целью ознакомления с зарубежным опытом жилищного деревянного строительства в северных условиях, также пришла к выводу, что в Среднем Приобье необходимо было строить капитальное жилье.

Не дожидаясь окончания дискуссии о типах застройки в северных городах, Главтюменнефтегаз принялся возводить пятиэтажные типовые дома, продолжая при этом строить брусчатые двухэтажные и индивидуальные дома. В 1966 г. первые пятиэтажки выросли в поселке нефтяников в Сургуте, а в 1970 г. пятиэтажки были построены в поселках строителей и энергетиков. В 1967 г. нефтяники заселили капитальный дом в

Нефтеюганске, а в 1969 г. — в Урае. Таким образом, в базовых городах ХМАО стала осуществляться капитальная застройка жилья.

Жилищные условия горожан, которым посчастливилось переехать в пятиэтажки, существенно улучшились. В квартирах, которых в стандартном доме насчитывалось 75, предусматривались элементарные условия, свойственные обычной городской среде: водопровод, канализация, ванные комнаты, газ. Краевед И.П. Захаров писал о первой пятиэтажке в поселке строителей Сургута: «Несмотря на очень малые кухни, узкие коридоры, тогда этот первый крупнопанельный дом часто называли дворцом» [6, с. 51–52]. Тем не менее, строительство велось домами сериями 1-464, 1-467, 1-335, 1-447, 1-468А, 1-439А, которые завозились из других регионов Советского Союза и не соответствовали климатическим условиям Севера, поскольку рассчитывались на среднюю полосу РСФСР. Это были обыкновенные «хрущевки» — малогабаритные экономные типовые дома.

Результаты анкетного опроса горожан Севера Западной Сибири, организованным архитектором В.Д. Станкевским в начале 1970-х гг., показали основные недостатки квартир в строящихся капитальных домах. К ним относились: нечеткость функциональной организации, заниженные размеры жилой и подсобной площади, недостаточный набор подсобных помещений для хранения инвентаря, одежды, продуктов, охотничье-рыболовной снасти [15, с. 4]. В домах капитального исполнения некоторое время после ввода в эксплуатацию не было воды, не работала канализация. При рабочем водопроводе, часто отсутствовала горячая вода, не во всех бежала и холодная. Архитектор указывал, что недостатки систем отопления, вентиляции, конструкций стен, окон и дверей обусловили появление неудовлетворительного микроклимата в квартирах (чрезмерные перепады температуры, повышенная скорость движения внутреннего воздуха и др.). В.Д. Станкевский считал, что для региона было необходимо повысить норму жилой площади на 20% от нормы равной общесоюзной. Это обуславливалось увеличением времени использования общественной части квартиры на самообразование, чтение, игры и просмотр телепередач из-за сурового климата, который препятствовал проведению досуга на улицах городов. В силу этого расширение жилой площади целесообразно было производить за счет увеличения общей комнаты, где в основном и проводился досуг. Набор помещений квартиры должны были включать дополнительные помещения хозяйственного назначения, которых не было в строящихся пятиэтажках: сушильные шкафы, шкафы сезонной одежды, гардеробы одежды, кладовые продуктов, подсобные помещения для бытовых работ и любительских занятий, расширенные проходы [15, с. 18–19].

Основная масса жилищного фонда городов пополнялась за счет строительства крупнопанельных пятиэтажных и двухэтажных брусчатых домов. По состоянию на 1 августа 1970 г. было введено в эксплу-

атацию таких жилых домов площадью 63 тыс. м² в Сургуте, 65 тыс. м² в Нефтеюганске, 67 тыс. м² в Урае, 56 тыс. м² в Нижневартовске. Из этого общего итога 22% построенных домов были крупнопанельными, остальные двухэтажные дома [2, д. 5460, л. 60]. Это привело к тому, что подавляющая часть жилищного фонда в городах стала принадлежать ведомствам. В 1968 г. эта доля составляла в Сургуте — 83%, Урае — 97%, Нефтеюганске — 97%, Нижневартовске — 87% [2, д. 4917, л. 31]. Остальной жилищный фонд состоял из индивидуальных деревянных домов, причем балки ни индивидуальным, ни ведомственным жильем не считались, а лишь самовольным временным. Необходимо уточнить, что к приведенным статистическим данным следует относиться с осторожностью, потому что они нередко искаженно отражали реальные цифры городского жилищного фонда. Многие отчеты облисполкома и обкома, сохранившиеся в архивах, приводили разную статистическую информацию. В некоторых отчетах в графе «жилищный фонд» указывалась не только жилая площадь домов, но и общая их площадь, иногда указывалась площадь временного жилого фонда (балков, вагончиков, бараков), а иногда и площадь разных хозяйственных объектов, включались дома с незавершенными строительными-монтажными работами, осуществлялись также приписки. Так, СУ-12 в поселке Мегионе за 7 месяцев 1966 г. приписали 4244 м² жилой площади, СУ-13, а в Нижневартовске СУ-13 приписали более 1000 м² [3, д. 4386, л. 37].

Количество временного жилья не сокращалось. Конечно, капитальное строительство уменьшало долю неблагоустроенного жилья в городах. Но с ростом населения на эту уменьшающуюся долю приходилось все больше и больше балков, вагончиков и другого неблагоустроенного жилья, так как тысячам приезжающих нужно было где-то жить.

Особенностью урбанизации ХМАО было то, что жилищный фонд городов практически не пополнялся за счет индивидуального жилищного строительства (сюда не входило самовольное временное жилье). С конца 1950-х гг. руководство страны постепенно отказывалось от индивидуального строительства в пользу типового строительства. В условиях массового государственного строительства индивидуальное жилищное строительство рабочими, служащими и крестьянами за счет собственных средств и госкредита не имело смысла. Вдобавок индивидуальное строительство просто физически не могло вестись теми, кто осуществлял масштабное промышленное освоение края. В городах прибывающие рабочие редко заселялись в индивидуальные дома сельского типа, так как эти дома, по сравнению с балками и вагон-домами, являлись роскошью того времени: в них заселялись начальники и руководители. Так, в частности, директор Сургутской средней школы В.П. Бирюков сразу по приезду получил отдельный домик, предварительно отремонтированный и побеленный [8, с. 154].

В Тюменской области постоянно уменьшались затраты населения на строительство собственного жилья: в 1960 г. население вкладывало 15,9 млн р., а в 1972 г. до 2,6 млн р. За 1960-е гг. в Тюменской области общая площадь построенного индивидуального жилья снизилась на 78%, с 171,4 тыс. м² в 1960-м г. до 36,8 тыс. м² в 1970 г. Эта тенденция также указывала на влияние, которое оказывал город на деревню. В 1960-м г. в сельской местности было введено 84,4 тыс. м² общей площади индивидуального жилья, через десять лет показатель снизился до 21,5 тыс. м², т.е. на 75% [12, с. 28]. Подавляющая часть индивидуального жилья вводилось на юге области, а в городах ХМАО с конца 1960-х гг. индивидуальное строительство практически не велось.

Социологические исследования того времени свидетельствуют, что в конце 1960-х гг. жилищная проблема в городах оставалась острой. В 1967–1968 гг. Институт экономики и организации промышленного производства СО АН СССР провел социологическое исследование населения нефтяных районов, результаты которого показали, что 60% опрошенных были не удовлетворены своими жилищными условиями, а из 100 уезжающих из региона, 44 уезжали по причине плохих жилищных условий. На вопрос — «при каких условиях вы согласились бы остаться на постоянное жительство в этом районе?» — 37% отвечали, что могли остаться, если бы им предоставили жилье [5, с. 157–158]. Анкетно-выборочный опрос 2300 семей Урая, Нефтеюганска и Нижневартовска, проведенный тюменскими учеными В.Б. Лебедевым и Л.А. Авдеевым в 1970 г., выявил особенности настроения горожан в отношении жилищной обеспеченности [9, с. 239–240]. Во-первых, данные опроса подтвердили, что существующая структура жилищного фонда в период пионерного этапа развития городов, более чем на половину не соответствовала общественной потребности. Во-вторых, горожан в значительной мере не устраивали такие жилищные блага, как жилищная обеспеченность, характер заселения домового и квартирного фондов, величина дома и дворовой территории. В-третьих, наиболее удовлетворенной оказалась потребность в типах внеквартирных коммуникаций и расселении семей относительно мест приложения труда работающих членов семей. Это исследование показало, что дефицит жилья в нефтяных районах Среднего Приобья достигал 300 тыс. м² жилой площади, что составляло 66% существующего капитального жилищного фонда из расчета нормы жилищной обеспеченности 9 м² на одного человека.

Таким образом, жилищные условия и жизненное пространство горожан Ханты-Мансийского округа в начальный период нефтегазового освоения Западной Сибири в 1960-х гг. развивались от временных неблагоустроенных домов (балков, землянок, вагон-домов) до типовых квартир, сначала в деревянных, а потом и в капитальных домах. Нали-

чие этих двух уровней личного жизненного пространства — «временного» и «типового» — указывало на то, что в ХМАО имелись признаки как псевдоурбанизации, так и «настоящей» урбанизации. Но, так или иначе, для большинства жителей новых городов жилищные условия оставались тяжелыми.

Список использованной литературы и источников

1. Букин С. С. Урбанизация в Сибири в XX веке: закономерности и особенности / С. С. Букин, В. И. Исаев // Хозяйственное освоение Сибири в контексте отечественной и мировой истории : сб. науч. тр. — Новосибирск : Сибирское отделение РАН, 2005. — С. 140–167.
2. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области. — Ф. 124. — Оп. 1.
3. Государственный архив Тюменской области (ГАТО). — Ф. 814. — Оп. 1.
4. ГАТО. — Ф. 1726. — Оп. 1.
5. Заславская Т. И. Проблемы формирования трудовых ресурсов и расселения на территории Тюменской области / Т. И. Заславская // Материалы конференции по проблемам развития и размещения производительных сил Тюменской области. — Т. 1. — Тюмень, 1970. — С. 154–162.
6. Захаров И. П. Моя земля / И. П. Захаров. — Сургут : Рекламно-издательский информационный центр «Нефть Приобья», 1999. — 216 с.
7. Карпов В. П. Анатолия Тюменского подвига / В. П. Карпов // Родина. — 2012. — № 8. — С. 20–23.
8. Кириллук Д. В. Социально-бытовые условия работы учителей Ханты-Мансийского округа в 1960 — 1970-е гг. / Д. В. Кириллук // Человек в условиях интенсивного нефтегазового освоения Севера: материалы Всероссийской научной конференции, 17-18 ноября 2010 г. — Тюмень : ТюмГНГУ, 2010. — С. 151–156.
9. Лебедев В. Б. Вопросы оценки потребительной стоимости жилой среды как фактора закрепления кадров (на примере нефтепромысловых городов Среднего Приобья) / В. Б. Лебедев, Л. А. Авдеев // Участие научно-технической общест-венности в работе по комплексному развитию главной базы страны по добыче нефти и газа в Западной Сибири : тез. докл. зональной науч.-практ. конф. — Тюмень, 1978. — С. 238–241.
10. Нефтеюганск: воспоминания, документы, публикации / науч. ред. А. В. Черноухов. — Екатеринбург : Архитектон, 1997. — 131 с.
11. Нефтеюганск: Усть-Балыкская нефтеразведочная экспедиция (1958–1972 гг.) / авт.-сост. Н. К. Эскина. — Нефтеюганск, 2004. — 84 с.
12. Основные показатели капитального строительства в Тюменской области за 1965–1973 гг. : стат. сб. — Тюмень, 1974. — 100 с.
13. Рудницкий А. М. Управление городской средой / А. М. Рудницкий. — Львов : Вища шк. Изд-во при Львов. ун-те, 1985. — 108 с.
14. Салманов Ф. К. Сибирь — судьба моя / Ф. К. Салманов. — М. : Молодая гвардия, 1988. — 318 с.
15. Станкевский В. Д. Особенности архитектурных решений жилых зданий в условиях Северо-Западной Сибири (на примере Тюменской области): автореф. дис. ... канд. архитектуры : 18.840. — М., 1971. — 21 с.
16. Тюменская стройка. — М. : Недра, 1981. — 175 с.

Информация об авторе

Стась Игорь Николаевич — кандидат исторических наук, преподаватель, кафедра всеобщей истории и археологии, Югорская лаборатория археологии и этнологии, Сургутский государственный университет Ханты-Мансийского автономного округа — Югры, 628412, Ханты-Мансийский автономный округ — Югра, г. Сургут, проспект Ленина, 1, e-mail: igor.stas@mail.ru.

Author

Stas' Igor' Nikolaevich — PhD in Historical Sciences, Lecturer, Chair of General History and Archaeology, Ugra Laboratory of Archaeology and Ethnology, Surgut State University KhMAO Ugra, 1, prospekt Lenin, 628412, Surgut, e-mail: : igor.stas@mail.ru.

УДК 332.133.4(571)«1946/1965»
ББК 65.9(253)-45

А.И. ТИМОШЕНКО

СТРАТЕГИЯ СДВИГА ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ СССР НА ВОСТОК В ГОДЫ ПОСЛЕВОЕННЫХ ПЯТИЛЕТОК (1946–1965)

Анализируется стратегия сдвига производительных сил в восточные регионы СССР в годы послевоенных пятилеток. Сделаны выводы, что она развивалась в рамках общей экономической политики советского правительства, вырабатываемой в условиях «холодной войны» с США и западноевропейскими странами.

Ключевые слова: государственная политика, стратегия, производительные силы, индустриальное освоение Сибири

А.И. TIMOSHENKO

STRATEGY SHIFT OF THE PRODUCTIVE FORCES OF THE USSR TO THE EAST IN THE POSTWAR FIVE-YEAR PLANS (1946–1965)

Analyzed the strategy of shift of the productive forces in the Eastern regions of the USSR in the postwar five-year plans. Concluded that it was developed in the framework of the General economic policy of the Soviet government produced under conditions of «cold war» with the United States and Western European countries.

Keywords: public policy, strategy, productive forces, the industrial development of Siberia.

Стратегия сдвига производительных сил СССР на восток наметилась еще в 1930-е гг., когда реализация проекта Урало-Кузнецкого комбината (УКК) оценивалась в качестве первого звена в движении индустрии в восточные регионы. Один из активных разработчиков про-